

А. А. ФАДЕЕВ

ДОКЛАД НА СОВЕЩАНИИ
РЕДАКТОРОВ ФРОНТОВЫХ И АРМЕЙСКИХ ГАЗЕТ
В ИЮЛЕ 1943 г.

Предисловие и публикация С. Н. Преображенского

Александр Александрович Фадеев был одним из тех советских писателей, которые с самого начала Великой Отечественной войны оказались на боевом посту.

На другой же день после злодейского вторжения гитлеровских полчищ на землю нашей Родины Советская страна услышала его голос. Выступая на митинге московских литераторов, Фадеев обратился с призывом ко всей советской интеллигенции — отдать свои силы, знания и способности фронту, делу победы над врагом. От имени советских литераторов он уверенно заявил, что «писатели Советской страны знают свое место в этой решительной схватке»¹.

В августе 1941 г., вместе с М. Шолоховым и Евг. Петровым, писатель выезжает на Западный фронт (под Духовщину) в качестве специального корреспондента «Правды», а через несколько дней в газете были напечатаны его первые взволнованные фронтовые очерки². В январе 1942 г. он присылает в «Правду» очерк с Калининского фронта «Изверги-разрушители и люди-созидатели»³, а через три месяца, вместе с Н. Тихоновым, вылетает на боевом самолете в осажденный Ленинград. В результате этой поездки рождается книга-дневник «Ленинград в дни блокады» и многочисленные очерки о героях-защитниках города Ленина.

В конце 1942 г. Фадеев на Центральном фронте, в частях авиации, затем в самом начале 1943 г. — на Калининском фронте, в тяжелейших боях за Великие Луки; к этому времени относятся очерки «Летний день», «Великие Луки»⁴. И снова — Ленинградский фронт, боевые части авиации дальнего действия.

В своих воспоминаниях Борис Полевой рассказывает о работе Фадеева на фронте: «...Фадееву не сидится. Он все время бродит от артиллеристов к саперам, от саперов к пехоте. Мы тоже стараемся не отставать, хотя уже, по чести говоря, еле таскаем ноги. <...> Иногда мы с Евновичем <корреспондент Совинформбюро. — С. П.>, выбившись из сил, объявляем забастовку и на денек оседаем в чьем-нибудь палаше.

— Поражаюсь вашему нелюбопытству, — говорит Фадеев и уходит один, высокий, прямой, широко шагающий, в валенках, которые к нему почему-то страшно не идут...»⁵.

А ночью, когда в избе, где обосновались корреспонденты, все уже спят, Фадеев, как бы «отключившись» от всего на свете, снова сидит, согнувшись над листками из блокнота, должно быть, ничего уже не видя и не слыша, весь поглощенный этим таинственным процессом переплавки живого, свежего, только что увиденного — в свою корреспонденцию отсюда, с горячего участка фронта.

Сохранилось много черновых записей Фадеева, сделанных на фронте. В этих записях поражает исключительное внимание писателя к простым людям войны, к их, казалось бы, рядовым, будничным делам, к их быту, к их внешнему облику, к простой,

незамысловатой их речи. Вот где воочию увидел писатель, как Отечественная война подняла на гребень все истинно прекрасное, что было воспитано в советском человеке нашим социалистическим строем, нашей великой Ленинской партией.

В 1943—1944 гг., уже работая над романом «Молодая гвардия», Фадеев дважды выезжал на фронт: в ноябре 1943 г. — в район Торопца и Невеля, и в мае 1944 г. — на Третий Украинский фронт, под Бендеры. С этими последними поездками тесно связана творческая история романа «Молодая гвардия».

Еще дымились догорающие жилища краснодонских шахтеров, совсем рядом шли упорные, жестокие бои с фашистами, а советские люди, вернувшиеся на родную землю, уже шаг за шагом распутывали сложный клубок кровавых событий, которые произошли в Краснодаре, в дни его оккупации гитлеровской армией.

Бессмертный революционный подвиг и необыкновенная судьба молодогвардейцев не могли не взволновать Фадеева. В день опубликования Указа Президиума Верховного Совета СССР о награждении молодогвардейцев орденами и о присвоении пяти членам штаба «Молодой гвардии» звания Героя Советского Союза в «Правде» появился очерк «Бессмертие»⁶ — первое выступление Фадеева о молодогвардейцах, в котором и был фактически намечен творческий замысел романа «Молодая гвардия».

Деятельность Фадеева в годы войны была очень многогранной. Писатель не ограничивался собственной творческой работой. Он встречается и выступает перед бойцами на разных фронтах войны, помогает в работе армейских газет. Много сил отдает он организации и направлению работы профессионалов-литераторов на фронте и в тылу, ведет большую переписку со многими из них, редактирует газету «Литература и искусство», выступает с докладами о задачах деятелей литературы и искусства в дни войны. Голос Фадеева звучит по радио — в тылу и на фронте, на собраниях писателей из разных республик, на массовых антифашистских митингах.

Широко известны такие выступления Фадеева в годы войны, как, например, «Отечественная война и советская литература» (журнал «Пропагандист»), «Самое главное» (выступление на собрании литераторов Москвы — о работе писателя на фронте), «О советском патриотизме и национальной гордости народов СССР» (журнал «Под знаменем марксизма»), «Художественная интеллигенция в Отечественной войне» (газета «Литература и искусство»), «Задачи художественной критики в наши дни» (выступление в Союзе писателей) и другие⁷.

Во всех этих выступлениях Фадеев призывает писателей и деятелей искусства «до конца разделить с народом его лишения и победы, его труды, походы, битвы, воспитывать в нем чувства патриотизма, бесстрашия, презрения к смерти, поддерживать в его сердце священный огонь ненависти к врагу, воспевать героев народа, разить и разоблачать врагов его, „положить в жертву мести и жизнь и к родине любовь“, как писал поэт...»⁸.

Он с горечью признает, что есть, конечно, еще и среди наших писателей люди, — правда, их немного, — «которые надеются в грозную годину испытаний своего народа высидеть в тиши кабинета, предаваясь „чистым музам“, или забиться в глухой угол, а потом, когда все выяснится, вылезти из угла и создать „нечто значительное“. Этих людей можно только пожалеть! — говорил Фадеев. — Если в грозную годину для твоего народа не льется из твоего сердца кипящее слово, какой же ты художник? Кого ты сможешь прославить или заставить возненавидеть лирой своей? Где возьмешь ты пламень чувства и силу разума, если жизнь и борьба лучших людей народа на самом высоком гребне истории пройдет мимо тебя?»⁹ И он приводил в пример таким «художникам» стихи русского поэта-патриота Батюшкова, в которых тот взволнованно осуждал в 1813 г. «беспечных», а на самом деле глубоко равнодушных к судьбам своей родины «любимцев чистых Муз и Харит».

«Истинный художник — который в дни великих испытаний живет, думает и чувствует вместе со своим народом, — продолжал Фадеев, — не может не раскрыть во всем, что он делает, лучших сторон своей души. Так осеняет его Муза, вдохновенная, суровая и прекрасная Муза его народа, и в огне войны рождается большое искусство»¹⁰.

К такому искусству неустанно звал советских художников в дни войны выдающийся советский писатель-патриот Александр Фадеев.

А. А. ФАДЕЕВ И А. Б. ЧАКОВСКИЙ В ОСАЖДЕННОМ ЛЕНИНГРАДЕ

Фотография Н. Хандогина. Весна 1942 г.

Музей Революции СССР, Москва

В июле 1943 г., по инициативе Главного Политического Управления РККА, Фадеев выступил с докладом на совещании редакторов фронтовых и армейских газет. Доклад этот был посвящен задачам воспитания бойцов Советской Армии и Флота в духе советского патриотизма и национальной гордости.

Этому выступлению писателя предшествовала большая и весьма тщательная подготовительная работа, внимательный просмотр многих армейских и фронтовых газет того времени. Фадеевым были изучены комплекты газет: Брянского фронта — «На разгром врага», Волховского — «Фронтная правда», Воронежского — «За честь Родины», Западного — «Красноармейская правда», Карельского — «В бой за Родину!», Юго-Западного — «Красная Армия», Южного — «Сталинское знамя», а также армейские газеты: «Боевая красноармейская», «Боевая тревога», «Знамя победы», «Знамя Советов», «Разгромим врага!», «Сталинский воин», «Фронтвик» и др.

Знакомясь с этими газетами, писатель делает «для себя» краткие рабочие записи, которые и послужили ему впоследствии фактическим материалом для доклада. Мы

Александр Прокофьев

ТАРАН

«ТАРАН»

Сборник военных стихов
А. А. Прокофьева,
Л., Гослитиздат, 1942

Титульный лист
с дарственной надписью
автора А. А. Фадееву,
25 ноября 1942 г.

Собрание В. П. Нечаева,
Москва

публикуем ниже эти рабочие записи под условным названием: «По страницам фронтовых и армейских газет. Рабочие записи к докладу».

Собрав достаточный материал, писатель начинает работать над планом-конспектом своего выступления. В архиве Фадеева сохранился набросок такого плана-конспекта.

Писатель хотел, видимо, разделить свой доклад на несколько разделов. Первый из них он озаглавил: «Изображение героев Отечественной войны и их подвигов».

В этом разделе он собирается отметить «главный недостаток» стихов и очерков, публикуемых в армейских и фронтовых газетах, — их описательность. Он указывает на тематический и сюжетный примитивизм отдельных очерков и стихов, в то время, когда «действительность выдвигает столько прекрасных тем...»

Фадеев критикует те стихи и очерки, которые представляют собой «сухое изложение боевых эпизодов», не раскрывают индивидуальные человеческие характеры. В таком очерке или стихотворении о конкретном герое войны вместо подлинной можно «подставить любую фамилию».

Вместе с тем Фадеев отмечает и многие положительные примеры писательской работы. С удовлетворением говорит он о тех стихах и очерках, в которых есть и оперативный отклик на события, и лирическая окрашенность, эмоциональность.

Анализируя работу очень разных литераторов, работавших в военные годы во фронтовой печати, Фадеев справедливо выделяет многих из них, но попутно замечает, что иногда авторы непрофессионалы «пишут лучше профессионалов». Они «знают военное дело. Пишут скромно, точно, а получается убедительно».

Судя по наброску плана доклада, Фадеев собирался занять целый раздел в своем выступлении анализом того, как изображаются во фронтовой печати героические дела трудящихся в тылу, и указать при этом, что важная тема эта во фронтовой печати разрабатывается еще слабо.

Один из разделов доклада Фадеева был посвящен сатире и юмору во фронтовой печати, которые приобрели большое значение «в деле воспитания советского патриотизма и ненависти к врагу». Странички юмора и сатиры, выпускавшиеся фронто-

выми газетами под разными названиями («Прямой наводкой», «Веселая землянка» и другие), пользовались обычно особой любовью бойцов. Указывая на удачи, достигнутые в этой области, Фадеев обращает внимание редакторов фронтовых газет и на те «срывы», которые он обнаружил в выступлениях юмористов и сатириков.

Борясь за качество литературной работы, Фадеев уделяет внимание и языку фронтовой печати, подвергает суровой критике языковую неряшливость, которой грешили некоторые литераторы.

В конце своего конспекта-плана Фадеев ставит вопрос и о более правильном использовании писателей на фронте, предлагая каждому поручать то, что он может и умеет делать «во всю силу».

В своем докладе Фадеев сделал несколько очень верных общих выводов о работе писателей на фронте. Один из первых таких выводов состоит в утверждении, что писатели, в большинстве своем, *выросли* на войне не только как передовые люди-патриоты, но и как мастера своего дела, приобрели необходимые «черты мужества» и значительно «расширили диапазон своего поэтического дарования».

Фадеев считает большим достижением писателей разработку главной, *гуманистической* темы нашей литературы в дни войны. «Очень человеческий писатель», — замечает он в связи с этим по адресу одного из таких литераторов.

Совершенно недостаточно, говорит он, когда литератор в своем рассказе, очерке или стихотворении пишет только о приобретении бойцами военных знаний, об овладении оружием; очерки и стихи, заявляет он, лишь тогда приносят подлинную пользу делу воспитания бойцов, когда они «перерастают в большую тему о нашем человеке на войне, в большую тему советского патриотизма».

Главная тема художественной литературы в дни войны, неоднократно говорил Фадеев, это *«наш советский человек на фронте»*. Война — это не только школа страдания или воспитания ненависти к врагу; это не только школа ратного и всякого иного труда; не только невиданная школа политики для всех. На войне, писал в одной из своих статей Фадеев, «миллионы советских людей раскрывают самые сильные, благородные, героические стороны своего характера, встают во весь свой человеческий исполинский рост — в боевых делах, в груди, в отношении к Родине, к нации, в мышлении о мире, о человечестве, в чувствах своих к врагу, к товарищам по борьбе, к семье, к любимому человеку»¹¹.

Это и есть то *главное*, та самая большая, необыкновенная и изумительная *правда войны*, которую должен увидеть на фронте писатель, если он настоящий художник-патриот, — увидеть и отобразить в своем творчестве.

Полный текст доклада А. А. Фадеева не сохранился. В архиве писателя найдена лишь часть (судя по всему — заключительная) неправленной стенограммы этого доклада, которую мы публикуем здесь с незначительными стилистическими исправлениями.

Машинописные тексты стенограммы и рабочих записей хранятся в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Правда», 1941, № 173, 24 июня.

² «Штурм немецкой обороны» («Правда», 1941, № 240, 30 августа) и «Артиллерийская подготовка» («Правда», 1941, № 241, 31 августа).

³ «Правда», 1942, № 14, 14 января.

⁴ «Летный день» — «Правда», 1942, №№ 351 и 352, 17 и 18 декабря; «Великие Луки» — «Правда», 1943, № 10, 10 января.

⁵ Борис П о л е в о й. Встречи на перекрестках. М., «Сов. писатель», 1961, стр. 348—350.

⁶ «Правда», 1943, № 229, 15 сентября.

⁷ См. кн.: А. Ф а д е е в. За тридцать лет. М., «Сов. писатель», 1957.

⁸ Там же, стр. 257.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, стр. 258.

¹¹ Там же, стр. 267—268.

〈ПО СТРАНИЦАМ ФРОНТОВЫХ И АРМЕЙСКИХ ГАЗЕТ〉

〈Рабочие записи к докладу〉

«Б о е в а я т р е в о г а» (1942 г.)

Тарковский — Сатира поверхностна, мелка (плохо знает врага). Юмор (Иван Хватов) тоже неудачен.

Стихи о героях и их подвигах («Лейтенант Василий Глинов», «День разведчика Гусева», «Снайпер Никифор Афанасьев») внешне блистательны, — характеры, внутренняя жизнь не удаются.

Лучше — лирические стихи. И стихи о героях тогда лучше, когда лирически окрашены мотивами природы, слитыми с внутренним миром героя.

«Н а р а з г р о м в р а г а» (1942—1943 гг.)

Светлов — Стихи подчинены «злобе дня», иногда просто передовой, или юбилейной дате, или событию в данной части. Это «внешние», «газетные» стихи.

«Слава бесстрашному» — игра на *внешнем*, на фамилии.

«Ф р о н т о в и к»

Иван Нехода — Стихи часто дублируют статьи, особенно передовые. Такой стих лишен публицистической заостренности статьи и поэтических свойств стиха.

«Похождения Алеши Табака» (один из прототипов Василия Теркина) — это более или менее удачно. (Цитировать.)

«К р а с н а я А р м и я»

Долматовский — Быстрая и острая реакция на события. Стихи лирически окрашены.

«С т а л и н с к о е з н а м я»

З. Кац. Рудь. М. Талалаевский — Стихи примитивно-агитационны («Вперед, товарищи, вперед»), в то время, когда действительность выдвигает столько прекрасных тем, например — первая встреча бойцов Сталинградского и Донского фронтов.

Раздел «Прямой наводкой» — наиболее удачно у Шефнера («Ефрейтор Минометов»).

Плохо у Глейзерова (шапкозакидательство). (Цитировать.)

Вадим Шефнер — Несомненно приобрел черты мужества и расширил диапазон своего поэтического дарования. Хорошее стихотворение «Зеркало».

«К р а с н о а р м е й с к а я п р а в д а» (1942—1943 гг.)

Неважные стихи А<нрзб> (он белорус, а вынужден писать по-русски), Игоря Лагунова, часто и Цезаря Солодаря. В его стихах о герое-танкисте Ив. Любушкине вместо Ив. Любушкина можно подставить любую фамилию.

Стихи Суркова — в них есть подлинное чувство любви к Родине, к бойцу Красной Армии, ненависть к фашистам.

Рассказы В. Кожешникова — очень человеческий писатель. Правильно понимает главную гуманистическую тему нашей литературы в дни войны.

Евг. Воробьев — рассказы и стихи. Его герои мало индивидуализированы.

Слободской — Похождения бравого солдата Швейка.

А. Теардовский — Василий Теркин.

«С т а л и н с к и й в о и н»

«Денис Орлов» — бывалый русский воин. Речь его не индивидуализирована, говорит общие истины, без достаточного количества русских примеров.

«Фронт о в а я п р а в д а»

Эдель — более силен в юморе. Пафосные вещи — слабые, язык графаретен.

Чаковский — материал актуален, чисто отработан. Обоим авторам принадлежит военно-приключенческая повесть.

Павел Шубин — хорошо работает в области военной и любовной лирики, частушки и очерка.

«В б о й з а Р о д и н у»

Геннадий Фииш — пишет графаретно, без лица своего.

«З н а м я С о в е т о в»

И. Чекин — он в жизни не писал стихов (<можно> научит(> и зайца спички зажигать).

«З а ч е с т ь Р о д и н ы»

Савва Головановский — уменье создать <сочетать?> оперативность, злободневность со своей художественной индивидуальностью. «Гвардейский стяг». «Наш родной город» (Харьков) и др.

«Р а з г р о м и м в р а г а»

С. Трегуб — очерки выделяются своей человеческой интонацией. «Казначей», переводя деньги семьям товарищей, — вступает с ними в переписку. Трегуб *любит* своих героев.

«Слава воинам нашим». Образ старшего политрука Буснина. На нужном отрезке (страничка!) дано о его неповторимом индивидуальном облике и в его <нрзб>. И опять там все окрашено сердечным отношением автора к своим героям.

«В б о й з а Р о д и н у» (1942—1943 гг.)

А. Коваленков — стихи и песни. Очень внешние, равнодушные.

Курочкин — рассказы о снайпере Фоине. 1. За «кукушками». 2. Певчая птичка.

Хороший язык, живые люди, народная разговорная интонация. Заинтересовывающий сюжет. Сопоставление двух снайперов: Фоина и Панферова. (Цитировать.)

«Б о е в а я к р а с н о а р м е й с к а я»

Проза — сухое изложение боевых эпизодов (авторы — ст. лейтенанты Негинский, Бейлин, журналист, ст. лейтенант Георгиев). Цитировать Негинского.

Владимир Лифшиц — работает лучше многих поэтов, с чувством.

Поэт Иванов («Иван Муха», ведет «Веселую землянку») — Много веселого, смешного, но есть просто неприличное. (Цитировать.)

«З н а м я п о б е д ы»

Как и везде, очень много однообразных очерков, где все люди похожи один на другого.

Нужен человек. И необходимо знание военного дела, чтобы этому тоже учить.

Очерки Н. Гринева «Мужество» (сапер Шебалин), Кондратьева «Слово о Красном Знамени» (боец Александр Б. выносит знамя части, обмотав себя этим, пробитым пулей знаменем), лейтенанта О. «Каратели» (финны пытали жену партизана, ослепили ее, замучили ее ребенка и дали ей, слепой, в руки его остывающее тельце, потом затравили слепого собаками) — все эти очерки сильны своей конкретностью, точностью; знанием того, о чем пишут, — среды, военных особенностей.

Ст. сержант Проценко пишет — бежит русская девушка, несет пленным красноармейцам корзинку с морковью. Фашист-конвойный выстрелил в девушку: она упала лицом вниз, и морковь рассыпалась по дороге.

«ПРЯМОЙ НАВОДКОЙ»

Сатирическое приложение к газете
Ленинградского фронта «На страже
Родины». 7 января 1942 г., № 4
Собрание Д. А. Левоневского,
Ленинград

Смерть немцам оккупантам!

ПРЯМОЙ НАВОДКОЙ

7 января 1942 г.

Сатирическое приложение к газете
Ленинградского фронта «На страже Родины»

№ 4 (43)

Немцы сдвиг на запад!
За стеной, за
арто-огнем.
Для востра арто-огня!
Он жидки и три арто-огня!
Немцы гули, немцы
трусей
Шам, гам не молчали:
Немцы сгортаю немучей
Штабские сладки.

★ *Фронтбюле* ★
ЧАСТУШКИ

БЕДУТ нем сдвиги,
Будет немца мы трясги,
Будем так трясги эти,
Чтоб не рожки — не сдвиги!
ВСКИНЬ артиллерия, артиль-
менту!

Трусские трусятки,
Русский артильет — артиль-
етит,
Кривь пролетает чертв!
ГОВОРЯТ немца толкоти!
«Не сдвиги я нем, не сдвиги»

Немцы — гадюки, немцы —
гадюки
С немца мука и гуля,
МЫ ВОЮЕМ, слава
нам и
Немцы сдвиг потерян,
Мы замалит артиль
мучи,
Застет артиль.
АЛЕКСАНДР ПРОКОФЬЕВ.

Еще не так пропишет!

Рис. Ю. Радехого.

«Бросайся вперед!» — что же горит — сразу так пропихивает, что жить невозможно!

Огромное значение темы тыла, работа в тылу — для воспитания чувств советского патриотизма на фронте (Френкель о Донбассе — в газете «Во славу Родины»).

Главная тема — наш советский человек на фронте. — Горбатов, Кожевников, Н. Тихонов, Трегуб, Корабельников («Разгромим врага»), Твардовский и другие. Пример — как не надо писать о героях («Красная Армия») или стихи Чекина («Знамя Советов»). Он лучше работает в прозе.

〈ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ ДОКЛАДА〉

〈Неправленная стенограмма〉

〈...〉 Иные думают, что если газета имеет более квалифицированных писателей, то у нее в этом смысле дело обстоит лучше, а в других, где писатели «рангом пониже», там и дело обстоит хуже. В ряде случаев это верно. Скажем, газета «На страже Родины»: она обладает такими силами, как Тихонов, Прокофьев, Саянов и другие писатели ленинградской организации. Эти люди могут дать и дают немало хорошего.

В газете тов. Миронова «Красноармейская правда» работают, или работали в прошлом, Твардовский, Сурков, Вадим Кожевников, Слободской. У него, понятно, тоже дело обстоит лучше.

На войне некоторые, даже и квалифицированные писатели, как оказывается, не могут работать в газете во всю силу, а жизнь выдвигает молодежь, даже иногда не членов Союза писателей, которые, однако, лучше справляются с работой, с изображением героев Отечественной войны.

Я смотрел газету «На разгром врага» — там прекрасный поэт Светлов работает честно, это квалифицированный поэт и не напишет плохо. Но то, что он дает, далеко не всегда может удовлетворить. Скажем, есть такой герой, по фамилии Гром. Как дает его Светлов в стихотворении «Слава бесстрашному»?

Над полем облака клубятся
И выстрелов клубится дым,
И шесть стервятников кружатся
Над пулеметчиком одним.
И пламя небо накаляет,
Когда, спокойствие храня,
Товарищ Гром врага встречает
Струей ответного огня.
Фашистам путь пересекая,
Вступает Гром в неравный бой.
Фамилия его такая,
Характер у него такой.
И самолет тяжелым комом
Упал охваченный огнем:
В стервятника ударил громом
Наверняка товарищ Гром.
И мы гордимся им по праву,
И песня про него звучит,
И старшего сержанта слава
Подобно грому прогремит.

Как видите, написано квалифицированно, но автор взял внешнее, взял фамилию и на фамилии все построил. Конечно, здесь нет ни раскрытия сущности героизма, ни характера человека, ни стимула его поведения — нет индивидуальности человеческой.

Это же характерно, скажем, для многих стихов Тарковского («Боевая тревога»), у которого, в этой же газете, бывают неплохие лирические стихи.

Игра на внешнем — и в очерке, и в стихе — распространенное явление. Это очень часто — просто иллюстрация к передовице. В таких стихах и очерках нет и публицистической заостренности, нет и поэзии.

Могу назвать работающих так же литераторов Каца, Рудь, Талалаевского — в газете «Сталинское знамя» — в то время, когда действительность выдвигает столько прекрасных тем! Например, в этой же газете как вдохновенно можно было бы показать первую встречу бойцов Сталинградского и Донского фронтов!

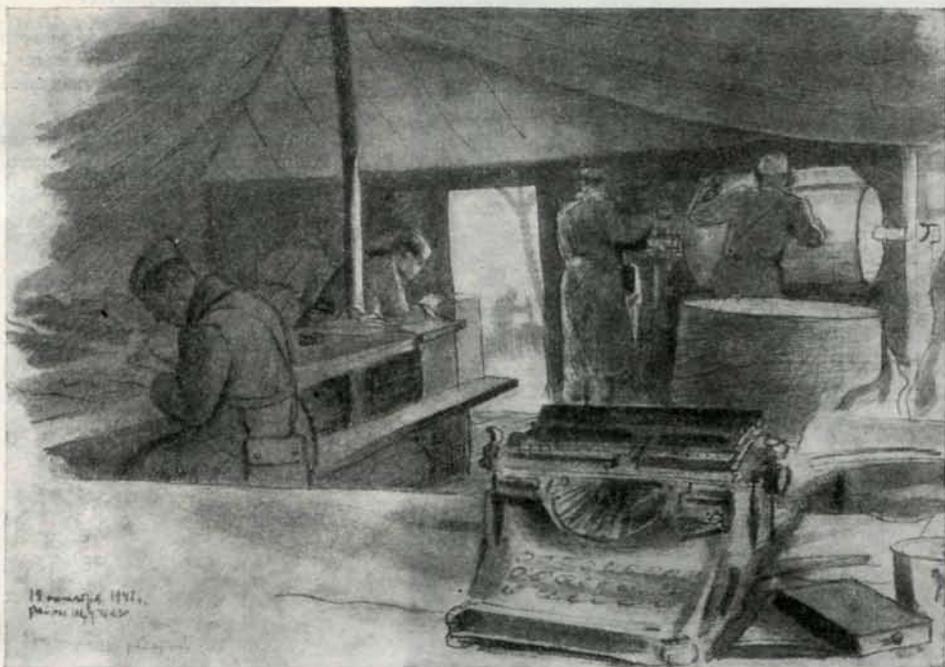
В газете «За честь Родины» работает очень квалифицированный поэт Безыменский, но стихи, которые он печатает в центральных газетах, лучше, чем те, которые он помещает в своей газете. Иногда удачи бывают («и здесь»). Например, прекрасный образ в стихотворении «У кургана», образ, обращенный к павшим в бою:

На свежем высоком кургане,
У черной могильной плиты,
В глубоком и скорбном молчанье
Встают на колени цветы.

Но в большинстве случаев характеристика товарища Безыменского носит чисто внешний, описательный характер:

И первыми к западу шли напрямки
Бойцы, что сражались в леске, у реки...
И шли Кербештым с Головной впереди...
Два ордена каждый имел на груди.

Приведу пример того, как литератор может при небрежном отношении к делу испортить даже живой материал. В газету «Боевая красноармей-

РЕДАКЦИЯ ЗА РАБОТОЙ

Рисунок (тушь, перо) Ю. В. Ворогушина — художника газеты 64 армии «За Родину». Сталинградский фронт, район Щучье, 19 октября 1942 г.

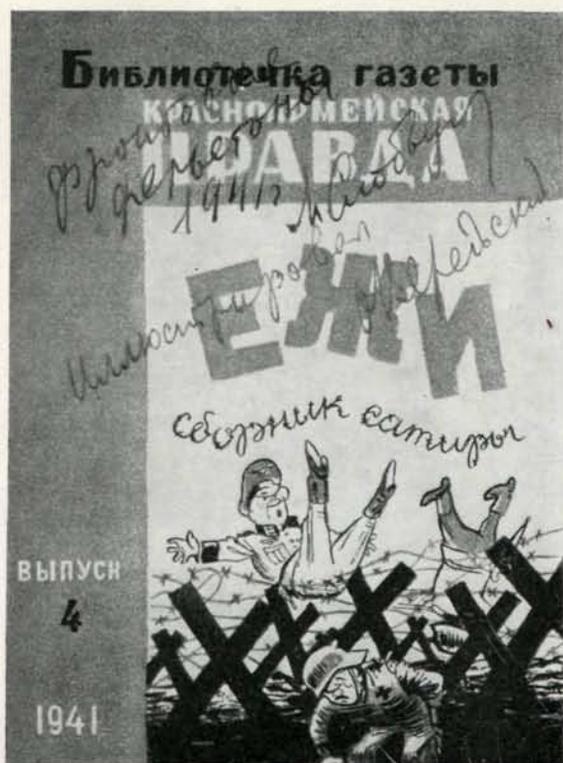
Собрание Ю. В. Ворогушина, Тула

ская» поступило письмо, адресованное воину-мужу: «А еще, муж мой, кланяюсь тебе в ноги и пишу тебе про свой позор. Надругались надо мной душегубы. Страшно мне стало, хотела удавиться, да детей пожалела. Теперь не знаю, как жить буду, как на глаза тебе покажусь. Отвечай, как быть мне, как жить дальше?»

Кажется, что же можно еще прибавить к этим словам? Но когда этот эпизод начинает описывать товарищ Негинский («Боевая красноармейская»), он вносит сюда все избитые литературные штампы: «Перед ним проносились картины прошлого. Мозг сверлила одна мысль!» Он даже попытался воспроизвести картину изнасилования в воображении бойца: «Василий видел немца с багровым лицом и выпученными глазами, который скрутил его Феню. Слышал ее крик». Это не вызывает чувства ненависти, а совершенно другое чувство.

Другой литератор, в этой же газете, в очерке «По трупам врагов» пишет: «У стены стоял фашистский офицер. Он был мертв — и бойцы видели это, но каждый из них на бегу с ненавистью пускал в лицо мертвого офицера очередь из автомата или колодел его штыком». Или: «К... с удовольствием наступил ногой на поганое лицо повергнутого наземь врага». Это — «любование», которое совершенно не разжигает ненависть, а вызывает обратные чувства, не говоря уже о том, что не стоит тратить боеприпасы на убитого врага.

В газете «Фронтовая правда» работает Михаил Эдель. Он силен в сатире, но стихотворения пишет трафаретно. Можно привести даже таких квалифицированных и в большинстве случаев очень хорошо работающих поэтов, как Долматовский, которые допускают, однако, такого рода описания героизма:

«ЕЖИ»

Сборник сатирических стихов, фельетонов и карикатур, напечатанных в газете «Красноармейская правда». Западный фронт, 1941

Обложка с автографическими надписями М. Р. Слободского и О. Г. Верейского
Литературный музей, Москва

На стыке четырех дорог
Стоит небритый паренек.
Он первый в городок вошел.
Он семь фашистов заколол.
Волнуясь, подхожу к нему.
В перчатке плотной руку жму.
Героем взяты городка
Мы называем паренька.
А он на нас махнул рукой:
— Да что мне городок такой,
Героем Киева мне стать —
Вот дело храброму под стать!

(«Красная Армия»)

Все дело в том, что писателя надо использовать с той стороны и там, где он силен. Надо использовать его действительные способности и не принуждать его делать то, что он не умеет делать.

Бывает так, что писатель в газете должен быть «и швец, и жнец, и в дудку игрец». Например, писатель Чекин много и честно работает, но он в жизни стихов не писал. Его начали учить, — как зайца, «спички зажигать» — писать стихи. Вот он и пишет:

... И бились, бились вшестером
С упорством боевым.
И умирая с торжеством,
Кричали: «Мы живы!»

Почему «умирали с торжеством»? И почему в слове «живы» — перепутано ударение?

Или:

Смерть не закрыла парню глаз.
Вперед! Он ими звал.

(«Знамя Советов»)

«ТЯЖЕЛАЯ РУКА»

Первый сборник военных рассказов
В. М. Кожевникова.
М., «Сов. писатель», 1941

Обложка

Рассказы были впервые опубликованы
в газете Западного фронта
«Красноармейская правда»

Как видите, все это достаточно плохо. Разумеется, далеко не все очерки и рассказы таковы. Стихи и очерки о героях хороши, когда они лирически насыщены, когда есть человеческое отношение автора, когда говорит его сердце, когда чувство автора сливается с чувством героя. Это можно найти у того же Тарковского, у Владимира Лифшица, у поэта Шефнера («Знамя победы»). Еще чаще у Долматовского.

Я хочу процитировать одно из стихотворений поэта Ильи Френкеля («Во славу Родины»).

БАЛЛАДА О ДРУЖБЕ

Как дружков-товарищей с одного забоя,
Очень сильно раненых, вынесли из боя.
Одного товарища смерть взяла в дороге.
За другим до госпиталя волочила ноги,
Волочила ноги — стала на пороге...
Ночью парень вскинулся, будто по тревоге;
Показался пол ему фронтовой равниной,
Показалась смерть ему санитаркой Ниной.
Он у смерти спрашивал: — Нина, что в Донбассе?
И еще выпытывал: — Где дружок мой Вася?
А она, безглазая, так отозвалась:
— Ты иди сюда, шахтер, покажу, где Вася...
Человек отчаянный, силы непомерной,
Коренной донбассовец и товарищ верный,
Он ползет, торопится, друга выручает,
Он зовет товарища — друг не отвечает.
Вот уже рукой подать парню до порога.
— Вася, — шепчет он, — родной, продержись немного.
— Вася, — шепчет он, — родной, тут я, недалечко,
Нам еще с тобой рубать, Вася, уголочка...

Парень перевязанный, кровью перемазанный,
Он ползет, торопится, сердце в нем колотится,
А ползет, не думает он, что умирает,
А в ушах военная музыка играет,
Крик трубы серебряной в сердце отдается.
< >

Хорошие стихи, человечные. Они сразу дойдут до сердца бойца.

Товарищи! Я мог бы привести много примеров талантливой работы в области очерка — писателей Трегуба («Разгромим врага»), Корабельникова, Чаковского, Курочкина («В бой за Родину»), отметить очерки Н. Гринева «Мужество», Кондратьева «Слово о Красном Знамени» («Знамя победы»).

Надо сказать, что большое и важное место в деле воспитания советского патриотизма и ненависти к врагу занимает сатира и юмор. Во всех газетах этот раздел пользуется особенной любовью бойцов, и здесь бывают свои удачи. Например, скажем, у поэта Неходы — в газете «Фронтвик» — неплохо получаются «Похождения Алеши Табака», сделанные под «Василия Теркина» Твардовского.

В этой области во всех газетах можно найти немало удачного. Но иногда это и серо, и плоско, и беззубо, а иногда просто неприлично. Такой талантливый человек, как Иван Муха, пишет иногда такие вещи, которые я даже не могу прочитать, чтобы не смущать стенографисток. Правда, славянин любит крепкое слово, но в прессе это превращается в пошлость, прививает дурной вкус.

Я должен еще сказать, что никакая работа в газете не может быть полноценной, если мы будем забывать о нашем великолепном русском языке. А неряшливости и канцеляризма — это один из кардинальных грехов в языке нашей армейской, дивизионной и фронтовой печати.

Можно привести много примеров такой неряшливости, иногда просто неграмотности (не говоря уже о канцеляризмах, вроде: «Мы приняли решение, направленное на выполнение приказа»: «Огонь! — кричит Ковальчук, стиснув зубы»; «Красноармейская песня сплачивает и сплачивает бойцов»; «Орудие старшего сержанта Никольского дало несколько залпов по немецко-фашистским выродкам»).

О нашем русском языке писал еще Ломоносов. Он говорил: «Карл Пятый, римский император, говаривал, что испанским языком с богом, французским — с друзьями, немецким — с неприятелями, итальянским — с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно, ибо нашел бы в нем великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка...»¹

Конечно, старик Ломоносов не думал, каким испытаниям подвергнется этот язык на страницах наших газет!

Товарищи! Редакторам и писателям, которые работают на фронте, выпала великая честь формировать душу нашего советского воина, советского человека — в условиях величайшей освободительной войны, самой справедливой из войн, какие когда-либо вело человечество. Эту работу мы должны делать со страстью, честно и хорошо.

Будем же высоко держать великое благородное знамя, вдохновляющее нас на победу, знамя Ленина!

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Цит. предисловие М. В. Ломоносова к «Российской грамматике» (см. Полн. собр. соч., т. 7. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 391).